

Людмила Шторк

Я не могу иначе...

«Библия для всех»
Санкт-Петербург
2018

Сборник включает в себя повесть «Я не могу иначе...» и рассказы. В повести автор обращается к очень серьезным вопросам, которые сопровождаются порой драматическими событиями.

Может ли порядочный и ответственный человек, решаясь оказывать другому помощь, требующую затраты огромных духовных и физических сил, надеяться только на себя. Может ли он быть совершенно уверен в том, что получит соответствующую благодарность? И если нет, то как не растеряться, когда силы иссякли, поддержки нет, одолевает страх одиночества и подступает отчаяние. При этом, однако, человек зачастую обходит возможность обратиться к Слову Божию, которое взывает: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Матфея 11:28).

Когда человек уразумеет сердцем эти слова, он возрождается, обретает уверенность и радость от встречи с Господом в новой жизни.

Рассказы сборника описывают жизнь разных людей на протяжении минувшего XX века (20-е, 30-е, 40-е и более поздние годы). И каждому событию, поступку, истории в жизни героев автор находит объяснения, опираясь на конкретные слова из Священного Писания.

Охраняется законодательством об авторском праве. Никакая часть этой книги не может быть скопирована или опубликована какими-либо средствами (печатными, фотографиями, электронными, звукозаписывающими и т. п.) без предварительного письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-7454-1509-8
© «Библия для всех», 2018

Я не могу иначе...

Повесть

Глава 1

Сегодня после тренировки Ольга смеялась от души. Она подошла к шкафчику в свой «личный уголок», чтобы переодеться и идти домой, и вдруг обнаружила в щелочке дверцы записку, написанную детским почерком.

*Ваш уголок я украсил бы розами,
Ваши следы омочил бы я слёзами,
Лишь только б знать, что люблю я не зря!..*

Девушка не знала, кто из ребят ее группы от второго до пятого класса подкинул эти стишки, но мог каждый. Она спрятала записку в карман, не стала разглашать тайну чьего-то сердца, но не смеяться просто не могла. Ольга была поверенной тайн своих детей, их второй мамой, и почти все в группе ее любили. Но подобный факт — нечто особенное!

Небольшого роста, тоненькая, но сильная девушка уже не раз приносила своему клубу первое место на соревнованиях среди тренеров. Она легко «взлетала» на скалы, ловко работая и руками, и ногами, свободно пользовалась всем оборудованием. Однако достижения Ольги не ограничивались одними личными наградами — ее дети также не раз получали медали.

Ольга возила ребят не только на соревнования; не раз она использовала свое свободное время, чтобы погулять с ними по городу или съездить в горы, но не на скалы, а про-

сто погулять, поиграть вместе, ближе познакомить и подружить друг с другом свою команду. И детвора ее просто обожала. Ребята становились старше, самостоятельнее; кто-то продолжал серьезно заниматься спортом, но большинство оставляли его, унося во взрослую жизнь только воспоминания, силу мышц и умение дружить. Хорошая память о первом тренере оставалась, и нередко ребята приходили в спорткомплекс просто повидаться с ней.

Теперь Ольга шла по тротуару и улыбалась, вспоминая записку.

«Интересно, чего ожидал этот мальчик от восьми до одиннадцати лет от своего тренера по скалолазанию, написав, что любовь его “не зря”...» — смеясь, думала она. Потом на ее лицо легла тень грусти.

«Чистые, наивные дети! Почему только вы меня любите? Почему взрослые парни меня не замечают? Вроде бы не уродина, фигурой Бог не обделил, не глупая, по крайней мере, не глупее многих, но почему? Почему для Генки я просто тень? Или даже хуже — досадная тень... Он старается исчезнуть из любого общества, стоит только мне появиться! Когда вы повзрослеете, я уверена, что станете такими же, как все мужчины, — будете “западать” только на блондинок с пышными формами или на моделей... На таких, как я, взгляд останавливаться не будет».

— Что ж, порадуйся, что хоть ребенок тебя заметил, — неожиданно произнесла Ольга вслух, вздрогнув от своего голоса и оглянувшись, — не услышал ли ее кто или не обратил внимание? Мало ли, может, девушка по телефону говорит?

Детство и юность Ольга провела среди спортсменов. Отец был спортсменом, и с ранних лет водил дочь на тренировки, затем она поступила в физкультурный институт. Работала все также среди спортсменов. И сейчас, досадуя на то, что мужчины смотрят только на фигуру, не замечала, что сама такая же. Ольге нравились сильные, красивые, хо-

рошо сложенные парни. Тех, кто был чуть слабее физически или не атлетически сложен, она просто не замечала. И Геннадий, бывший однокурсник, в которого она была влюблена несколько лет, был из «той же породы»; он был силен, красив и знал себе цену. Женщины в его жизни не задерживались больше месяца и всегда были как на подбор — яркие красавицы, светские львицы. Недавно Ольга увидела Генку на одном из обедов, устраиваемых руководством комплекса для спонсоров, и с радостной улыбкой рванула к нему. Но, не дойдя нескольких шагов, она резко развернулась и исчезла в толпе, но уже со слезами на глазах.

Подходя к Геннадию, беседующему с кем-то, она услышала реплику собеседника, лица которого не рассмотрела. В голосе собеседника была слышна издевка.

— ... она, скорее, всего уже и здесь ищет тебя.

— Как же она меня достала со своей щенячьей любовью! — воскликнул в ответ Генка, — неужели мне придется в лоб ей говорить: «Миленькая Олечка... Ты что, дура? Неужели тебе все еще не понятно, что тебе ничего не светит? Маленькая девочка, ты в зеркало смотрела, прежде чем в меня влюбиться?!»

Больше Ольга не искала его на встречах и не подходила к нему, даже если они случайно оказывались в одной компании. Но сердце болело даже тогда, когда он был далеко. И сейчас искреннее детское признание в любви разбредило рану.

— Неужели я не смогу его забыть и не встречу никого?.. — прошептала Ольга, сворачивая в свой переулок, — неужели так и проживу одна с тоской по Генке?

Скоро девушка подошла к своему дому. Только здесь ее душа отдыхала! Старенькая мать встретила ее с радостной улыбкой:

— А вот и солнышко мое появилось! Как на работе? Как детки?

— Мама, мне сегодня кое-кто подарил стихи о любви, — похвалилась Ольга, забыв про грусть.

— Кто?! У тебя парень? — всплеснула рука старушка.

— О! Еще какой! Посмотри! — Ольга подала матери записку.

Галина Ильинична несколько минут молча читала, потом от души рассмеялась.

— Романтичный, еще и поэт!.. Но, мне кажется, для тебя он слишком молод!

— Да уж... Только такие меня и любят! — отмахнулась Ольга.

— Ничего, твой еще придет! Тебе ведь не нужны все. Надеюсь, хватит одного, только которого Бог пошлет! — попыталась успокоить девушку мать. — Тебе же только двадцать четыре. Еще все впереди!

— Да, конечно, — рассердилась вдруг Ольга, — у всех моих подруг уже дети. Я одна все принца заморского жду!

— Ну не расстраивайся так, солнышко! Ты добрая, чуткая, нежная. Девушки остаются одинокими обычно тогда, когда много «перебирают», когда считают, что все им не подходит, все не такие. А твой просто еще не пришел! Я тебя тоже поздно родила, была увлечена работой, диссертацией своей. В нашей «породе» все девушки поздно «расцветают», так уж повелось! Но зато у нас браки счастливые! Мы с твоим папой прожили счастливую жизнь, и дочка у нас золотая выросла, умница... Только жаль, отец не дожил до твоего диплома.

— Хотелось бы верить! — вздохнула Ольга. — Мне тоже жаль, что папы нет. Но ему, кажется, хватило того, что я на детских олимпиадах всегда была первой или почти первой.

— Папе не достижения твои нравились. Он любовался всегда, какая ты у нас ладненькая и ловкая выросла. — Старушка грустно вздохнула: — Он всегда на тебя не мог налюбоваться.

— Нашел, на что смотреть, — хмыкнула Ольга.

— На дочку свою любимую, — вставила мать.

— Спасибо, мама; ты всегда умеешь поднять настроение, и жить хочется дальше! Что бы я без тебя делала?!

— А ты представляешь, что бы я без тебя делала?! — откликнулась мать, скрываясь в кухне.

Поужинав и вместе убрав посуду, женщины направились в спальню матери; Галина Ильинична прилегла. Ольга усе-лась на край ее постели и взяла книгу. Раскрыв на том месте, где они закончили вчера, дочь продолжила вечернее чтение.

Мать Ольги к старости почти полностью потеряла зре-ние. При дневном свете она могла ходить и делать все, что ей было нужно, но вечером, как только садилось солнце, она видела только силуэты. Читать старушка не могла даже днем, но любила. Поэтому она с радостью ждала вечера, ко-гда дочь придет с работы и почитает ей.

Библиотека в семье была небольшая, но Галина Ильи-нична уже много лет была записана в городской библиотеке и являлась одним из старейших ее членов. Все сотрудники знали старушку, а теперь и Ольгу, поэтому ей не приходи-лось долго выбирать книги — библиотечка знала предпоч-тения матери в литературе и давала читать авторов после-довательно с первых книг до поздних трудов. Этому вечер-нему «моциону» был уже не один год, и Ольга старалась не часто отлучаться по вечерам. Но иногда мать сама выпро-важивала дочку погулять по вечернему городу в надежде, что та встретит какого-нибудь хорошего парня и полюбит его. Привязанность дочери к непутевому однокурснику все-гда ее пугала. Но сейчас пожилая женщина радовалась, что дочь больше не произносит этого имени.

Прочитав несколько страниц, Ольга заметила, что мама засыпает, поправила ей одеяло и поцеловала на ночь, после чего отправилась спать. Но сегодня не спалось. «Любовная» записка все еще тревожила.

«Когда же это случится?» — вздохнула Ольга, отвора-чиваясь к стене и укутываясь в теплое, но легкое одеяло, которое купила недавно и очень любила.

Следующий день начинался как много других. Ольга привычно занималась множеством мелких дел в своей комнате, в доме, на небольшом участке земли рядом с домом. Мать любила многолетние растения, и их палисадник благоухал все лето, потому что Галина Ильинична разводила цветы, которые цвели с ранней весны до самого снега. В саду росло несколько плодовых деревьев, малина и пара грядок с ягодами. Но за всей этой красотой необходим был уход, а старушка уже не могла наклоняться — кружилась голова. Поэтому работа на участке тоже постепенно «перекочевала» на Ольгу. Но девушка не боялась работы. Так даже проще — некогда думать о лишних вещах.

Выполнив набор обычных утренних дел, Ольга поцеловала мать и отправилась на работу. Сегодня была вторая группа, и влюбленный ребенок был точно не из ее состава, поэтому тренер не приглядывалась и не гадала, кто же мог подсунуть ей записку? А завтра воскресенье, на работу не надо. Но даже в воскресенье девушка принадлежала себе только половину дня: с утра она возила мать в евангельскую церковь, там сидела рядом с ней и слушала. Родители ходили туда, сколько помнила себя Ольга. На вопрос дочери об этом мать сказала, что начала посещать церковь, когда собиралась родить, — ребенок поздний, ходила тяжело. Врачи не давали гарантии, что мать и ребенок выживут. Галина Ильинична плюнула на свою гордость и мнение окружающих и пошла молиться о жизни и здоровье своем и ребенка. В церкви ей понравилось. Скоро стали приходить с мужем. Так и посещали служения по воскресеньям всю оставшуюся жизнь.

В детстве Ольга тоже посещала воскресную школу, но, повзрослев, отказалась ходить в церковь. После смерти отца дочь приняла решение сопровождать мать на службу, чтобы той не было одиноко. А сейчас, когда зрение матери упало, она не выпускала мать из дома одну никогда, сопутствуя ей везде.

В общем, Ольге нравились проповеди, пение. Да и люди неплохие там встречались, но всерьез думать о религии и о Боге Ольга не была готова. После обеда в воскресенье девушка обычно уходила к друзьям, но в последнее время нередко оставалась дома. У всех подруг уже семьи, с парнями общаться не хочется после того, что она услышала от Генки, а просто бродить по городу — скучно. Лучше провести время с мамой, которая в свободное время вязала носки. Для этого Галине Ильиничне почти не нужны были глаза — руки привычно перебирали петли, а мозг так же привычно считал. Вся родня ходила в ее носках зимой, и еще хватало на продажу — в магазинчике рядом с домом продавщица согласилась брать их и выставляла на полке.

Поэтому в воскресенье вечером Ольга садилась рядом с матерью и вязала крючком кружевные блузки, салфетки. А в последнее время начала вязать себе платье. Так размеренно и тихо протекала ее жизнь. Разнообразие вносили только выезды на соревнования или сборы. Иногда девушку отправляли на ужины и другие мероприятия, которые организовывал их спорткомплекс для богатых бизнесменов в надежде получить новых спонсоров. На такие вечера руководство всегда обязывало Ольгу приходить, потому что ей удавалось понравиться возможным спонсорам, и директор часто «засылал» ее знакомиться с богатыми «мужчинами в возрасте».

По неизвестной для нее самой причине Ольге удавалось «разговорить» их, но держать на дистанции, соблюдая все приличия. Эти вечера были единственным временем, когда Ольга ненавидела свою работу! Но в остальные дни она бежала в спорткомплекс с радостью и возвращалась домой тоже в хорошем настроении. И Ольга была бы вполне счастлива, если бы рядом был любимый мужчина. Но с этим никак не складывалось.

Глава 2

В один из обычных дней, отправляясь на работу, Ольга не подозревала, что уже сегодня ее жизнь существенно изменится и от ее размеренности и покоя не останется и следа. Страхуя одного из учеников на стене, Ольга услышала звонок своего мобильного. Она никогда не отвечала на звонок, пока ребенок не спустится со стены, но сегодня что-то подтолкнуло ее зажать страховочную веревку ногой, достать из кармана сотовый и ответить на звонок.

— Ольга Ткачинская? — поинтересовался незнакомый голос.

— Да, — настороженно ответила она.

— Ваша мать попала в ДТП и находится в реанимации больницы скорой медицинской помощи, в травматологии, — сообщил голос.

Ольга чуть не выронила страховку. Руки ослабели, перед глазами все поплыло. Хорошо, что рядом оказался один из старших ребят ее группы.

— Ольга Алексеевна! Вам плохо? Давайте я помогу! — бросился к ней мальчик, затем крикнул наверх: — Малой, спускайся сейчас же! Проблема!

Юного скалолаза не пришлось просить дважды. Он быстро спустился и подбежал к тренеру.

— Ольга Алексеевна, что с вами?!

— Ребята. Мне нужно срочно уехать, — ответила Ольга, затем, взглянув на встревоженные лица, добавила: — Мама в больнице. В аварию попала!

— Мы можем поехать с вами! — отозвались сразу несколько голосов.

— Нет, она в реанимации. Туда даже меня не пустят. Вы потом позвоните; я сообщу, когда смогу прийти в зал. А пока Василий Лаврентьевич закончит тренировку; я сейчас его попрошу, чтобы он объединенную группу взял.

— У-у-у, — недовольно протянули голоса.

— Я побежала! Извините!

Ольга заставила себя мыслить рационально. Сейчас ее все равно не пустят к матери, поэтому нужно ехать в больницу только для того, чтобы переговорить с врачом. Она договорилась о замене, быстро приняла душ, переделалась после тренировки, выбежала на улицу и, поймав такси, поехала в больницу, специализирующуюся на экстренной помощи.

Сидя в такси, девушка никак не могла понять, как мать могла попасть в ДТП, если она не выходит из дома!

«Неужели я чего-то не оставила ей и она вышла в магазин?!» — билась тревожная мысль.

Травматологию не пришлось долго искать — люди сразу подсказали, куда идти. Найдя доктора, Ольга обратилась к нему:

— Мне звонили...

— Я звонил, — ответил врач, — вашу мать сбила машина рядом с магазином... — начал он.

«Точно... я что-то забыла ей оставить!» — ужаснулась Ольга.

А врач продолжал:

— Вы не волнуйтесь, травма хоть и серьезная, но не смертельная. Если бы не ее преклонный возраст, через два-три дня мы бы ее выписали.

— Но вы сказали, что она в реанимации! — воскликнула Ольга.

— Да, ей пришлось дать общий наркоз, — а это в ее возрасте очень серьезно. Но сейчас она уже вышла из наркоза, чувствует себя лучше. У нее был открытый перелом бедренной кости, поэтому местного наркоза было недостаточно. Операция прошла удачно, гипс наложили. Кроме бедра у нее сломаны два ребра и легкое сотрясение. Но в общем состояние уже приемлемое. С учетом ее возраста, наверное, не меньше недели придется лежать в больнице. Через пару часов, думаю, мы переведем ее в палату, и вы

сможете поговорить. Она будет в первом отделении, можете там подождать.

Врач ушел, Ольга спустилась в холл больницы, купила разовый халат, бахилы, бутылку воды, трубочку и поднялась к первому отделению травматологии. Она сидела в коридоре два часа, ожидая, когда ее мать привезут. О многом успела подумать и испугалась до дрожи в руках. Она боялась остаться одна на этой земле.

Родственников у Ольги было немного, но и с ними она не часто виделась, обычно на свадьбах и похоронах. Когда-то давно, когда родители начали ходить в церковь, родственники отгородились от них и ее семья тоже не рвалась часто общаться с родней. Ольга выросла, почти не зная родных. Мать Ольги обычно раз в год дарила всем вязаные носки. На удивление, она помнила, кому сколько лет, и обычно правильно рассчитывала размеры. После того как не смогла ездить сама, Галина Ильинична не стала загружать дочь. Но все равно готовила носки и звонила родственникам, чтобы те прислали кого-нибудь из детей за подарком. Ольга не могла понять, зачем матери это нужно? Когда она спросила мать об этом, та спокойно ответила:

— Когда зимой им будет тепло, пусть помнят, что Бог их любит; ведь все знают, что я ради Него делаю все.

В церкви у Ольги не было близких друзей, потому что она считалась «отошедшей от веры» из-за того, что в юности довольно долго не ходила туда. Да и сама Ольга тоже не стремилась найти подруг там, хотя приветливо здоровалась со знакомыми, и они также были приветливы. В церкви девушки рано выходили замуж, и в ее двадцать четыре года у большинства из них были дети, у кого-то даже не один ребенок. Для Ольги это было лишним напоминанием о том, что у нее не все хорошо. По первому и самому важному для девушки заключению, мать была единственным человеком, к которому Ольга была привязана всей душой и кому она была нужна на этой земле.

И теперь, когда мать оказалась в больнице, Ольге стало страшно! Когда появилась коляска, девушка вскочила, как пружина, и быстрым шагом направилась к ней.

Мать была бледна, глаза закрыты. Ольга испугалась еще больше.

— Мама!

Глаза старушки открылись. Она радостно улыбнулась.

— Доченька! — коляска подпрыгнула на низеньком пороге, и Галина Ильинична болезненно скривилась. — Прости, доченька! Доставила тебе и себе кучу проблем!

— Мама, зачем ты пошла одна в магазин? Я что-то забыла тебе оставить? — Ольга шла быстрыми шагами рядом с коляской, которую катили два санитары.

— Нет, в кои-то веки решила «погеройствовать» и сходить отдать заказ. Я старалась быть очень осторожной, но этот водитель выскочил на тротуар на большой скорости. А потом, когда увидел, что натворил, сбежал! Уехал. Даже не попытался помочь!

— Мама! — простила Ольга, — неужели это было так срочно! Ты же вечером еще не довязала носок, и мы бы вместе могли сходить сразу после моей работы. У меня же сегодня была только одна группа!

— Да уж знаю, что глупость сделала! Вот теперь не только самой платить придется, но и тебе забот прибавила! — вздохнула старушка, — хотя кто знает... Если бы попался пьяный водитель, он нас обеих мог бы на тротуаре сбить.

В этот момент они вошли в палату, и санитары переложили пожилую женщину на кровать. Ольга подождала, пока они вышли, поправила матери постель, аккуратно укрыла ее. Затем открыла воду, достала трубочку и вставила ее в горлышко.

— Мама, пить хочешь?

— Не откажусь, горло пересохло, — обрадовалась больная. Когда она заметила удобно изогнутую трубочку, то

улыбнулась, — какая ты у меня заботливая! Что бы я без тебя делала!

— Мама, не пугай меня так больше! Я не знаю, что бы я без тебя делала! — ответила дочь. — У меня же, кроме тебя, никого нет!

— Доченька, не надо так! Ты ведь знаешь: все мы когда-то должны будем уйти. Папа давно уже меня ждет там, — она на миг подняла глаза вверх и продолжила, — я уже старая. Мне пора домой. Ты должна быть к этому готова. Хотя, конечно, я бы хотела погулять на твоей свадьбе, а потом уже и к папе, — вздохнула женщина, — я соскучилась по нему.

— Мама, я тоже скучаю по папе! Но не надо говорить о смерти, пожалуйста! Я в этом мире никому не нужна!..

— Это неправда, и ты знаешь об этом, — остановила ее мать, — если ты держишь всех в церкви «на расстоянии вытянутой руки» — это не значит, что люди не готовы тебя полюбить. Тебе самой нужно перестроиться: ходить на общения, а не только на воскресное служение. Тебя же много раз приглашали. И тогда тебе не будет одиноко.

— Мама, не надо об этом! — прервала ее Ольга.

— Хорошо. Я никогда не настаивала. Только не забывай, что это предложение существует... — закончила Галина Ильинична.

Ольга посидела с матерью еще немного, пока та не захотела уснуть.

— Я устала. Приходи, доченька, завтра, как освободишься на работе, — попросила мать.

— Хорошо, мама, я завтра приду, но не после работы, а с утра. Я уже договорилась, меня подменят. Приготовлю тебе чего-нибудь домашнего поесть.

— Ладно, беги. Прости еще раз, что доставила тебе столько проблем!

— Мама, не нужно больше просить прощения. Главное, выздоравливай быстрее! — Ольга поцеловала мать и отпра-

вилаась домой. Проходя мимо соседней палаты, она услышала возмущенный голос:

— Выписку я давно приготовил! И я не обязан бегать с вашими документами! Ищите родственников, чтобы они вас забрали или оформили бумаги в дом инвалидов!

Ольга прошла мимо, но задумалась, кому же сказана была эта жестокая фраза? Но вопрос возник ненадолго; скоро заботы дня вытеснили все посторонние вопросы из головы девушки. Она сложила вещи, которые собиралась отнести завтра матери в больницу, сварила бульон, чтобы быстрее приготовить с утра суп и поехать в больницу пораньше, как только начнут впускать посетителей. Спать легла поздно, но потом еще долго лежала, глядя в потолок. Тревожные мысли были тяжелы и кружились, как рой ос в потревоженном осиннике.

Солнце едва посеребрило верхушки деревьев, а Ольга уже была на ногах, сварила суп на приготовленном вчера бульоне, налила в банку, взяла все необходимое и отправилась на остановку. Троллейбус пришел быстро и был еще полупустым в столь ранний час, поэтому девушка ехала сидя и могла вздремнуть в дороге, но сна не было. Когда Ольга подошла к дверям больницы, их только открыли и ранние посетители начали заполнять холл. Войдя в палату, девушка увидела, что мать уже не спит. Она лежала у окна и умиротворенно наблюдала за возней пташек на ближайшем дереве. Когда в дверях показалась Ольга, Галина Ильинична повернулась к ней и радостно улыбнулась.

— Вот и мое солнышко появилось!

Ольга ловко разложила принесенные вещи, сходила к старшей медсестре отделения и попросила тазик, чтобы мать могла умыться, принесла теплой воды и помогла больной с утренними процедурами. Затем она причесала и уложила ей волосы. Соседки по палате удивленно покачали головами:

— Надо же! У вас прекрасная дочь! Такая молоденькая, а справляется со всей работой, как опытная сиделка!

— У нас с ней был опыт ухода за больным, когда ее отец болел, — ответила Галина Ильинична.

— Но если бы она не любила вас, то не укладывала бы волосы как на бал! — с завистью отметила пожилая женщина с кровати в углу палаты.

— Это правда! Доченька меня очень любит, и я ее тоже очень люблю! — подтвердила Галина Ильинична.

До обхода все было закончено, и Галина Ильинична к приходу врача выглядела свежей и бодрой. Но врач, выйдя из соседней палаты сердитым, явился к больным раздраженным и недовольным на весь белый свет.

— Не могу понять этих людей! — ворчал он. — Как только человек теряет работоспособность, его выбрасывают, как ненужный мусор! Что за женщины пошли в наше время!

— А что случилось? — осторожно поинтересовалась Галина Ильинична.

— Да в соседней палате мужчина после аварии парализованный лежит! Родителей нет, а жена бросила, как только узнала, что он не встанет! Исчезла! Как корова языком слизала! Даже бумаги о разводе уже прислала! Он уже невесть сколько у нас лежит, медсестры возмущаются, санитарки отказываются с ним нянчиться, а для перевода его в дом инвалидов требуется куча документов. К тому же, он еще и гражданства не имеет... И что теперь с ним делать?

Доктор обошел всех пациентов, осмотрел, сделал назначения и вышел из палаты.

— Доченька, может, ты сходишь в соседнюю палату, отнесешь бедняге супчика домашнего? — попросила Галина Ильинична.

— Мама, и что я ему скажу? «Здравствуйте, я тут покормить вас решила; может, вы голодаете?». Да он меня пошлет, и будет прав! — отмахнулась Ольга.

— Ну если откажется, тогда уйдешь... Разве с тебя убудет, если ты предложишь помощь? Это же просто супчик

домашний! Ты же принесла банку на целую армию! Даже мы с тобой вместе это не съедим! — старушке было очень жаль человека в соседней палате, а сходить и помочь ему сама она не могла, и пыталась сделать это руками дочери.

— Ладно, я схожу, — согласилась Ольга.

Наполнив супом тарелку, она пошла в соседнюю палату. Войдя, девушка огляделась. Все мужчины вопросительно уставились на вошедшую, и она почувствовала себя крайне неловко. Усилием воли преодолев смущение, она осмотрелась и, увидев высокую кровать в углу палаты, направилась к ней. На жесткой кровати лежал бледный, довольно молодой мужчина. Ольга растерялась. Она ожидала увидеть старика, а не крупного красивого мужчину спортивного сложения. Руки и ноги его безвольно лежали на кровати, но в них еще заметны были остатки прежней силы и красоты.

— Простите... — растерянно начала Ольга. — Меня мама прислала... — Сейчас она ненавидела себя за свою растерянность и за глупости, которые лопочет, — тут суп домашний, свежий... может, хотите?

— Ну, спасибо маме! — усмехнулся мужчина. — От домашнего супчика отказаться не решаюсь! Больничная еда уже поперек горла стоит!

Ольга была уверена, что больной откажется, и собиралась с порога идти обратно, но когда он так легко согласился, растерялась. Однако уже через минуту она спохватилась, подошла к его тумбочке, взяла с нее ложку и протянула тарелку больному.

— Простите, но я не смогу взять... — напомнил мужчина.

— Ох, простите! — покраснела от досады на себя Ольга.

Она поставила тарелку на тумбочку, приподняла больного, подложила подушки повыше, чтобы он мог поесть.

— У вас приятные духи... — тихо проговорил мужчина, — а как вас зовут, добрая фея по поручению мамы?

— Ольга... — в голосе девушки слышалась досада.

— Простите, не сумел удержаться и не поддразнить, — быстро исправился мужчина, — не обижайтесь! Меня Сергеем зовут.

От прежней скованности Ольги не осталось и следа, ее опасения не оправдались, и больному не пришлось дважды предлагать еду. Ольга присела рядом, взяла тарелку и ложку и начала его кормить. Он ел с удовольствием, нахваливая суп посетительницы, и Ольге была приятна эта похвала. Скоро тарелка опустела, девушка дала больному воды по его просьбе. Когда она вынимала дополнительную подушку из-под его головы, Сергей скорчился от боли.

— Простите! Я такая неловкая! — растерялась девушка.

— Нет, вы здесь ни при чем. Просто у меня на спине большие пролежни уже, сейчас подушка их «тиранула», — объяснил Сергей.

— Так у вас есть чувствительность? — удивилась девушка.

— Да, частично на спине и на предплечьях. Врач сказал, что, если бы я мог попасть в реабилитационный центр, может быть, я смог бы даже сесть. Но для этого нужно иметь гражданство, а я перед аварией должен был только вид на жительство получить, но не успел, — он вздохнул: — Ладно, не будем о грустном. Спасибо за суп и за заботу. Вас, наверное, мама ваша ждет.

— Да, она ждет, — согласилась Ольга.

Она быстро вымыла ложку больного, оставила ее на тумбочке, прихватив тарелку с собой. Ей хотелось поскорее выйти из комнаты, где лежали четверо мужчин.

Вернувшись в палату к матери, она коротко рассказала о том, что было. Женщины еще долго обсуждали новое событие скучной больничной жизни. Ольга с Галиной Ильичиной старались не участвовать в обсуждении. В их семье не принято было афишировать добрые дела и «перемывать людям косточки». Дочь была рядом с матерью весь день. По

просьбе больной после тихого часа она прочла несколько глав книги, которая была у них на очереди. Сначала Ольга читала тихо, но затем женщины попросили читать громче; всем было скучно лежать, и они с удовольствием послушали повесть, пусть даже и не с начала.

Когда дочь собралась домой, Галина Ильинична напутствовала.

— Оленька, ты завтра не торопись. Спокойно иди на работу. Мне уже намного лучше. В обед я поем больничную еду, не переживай. А после работы забегай ненадолго, я буду рада!

— Хорошо, мама, а то там народ воет... Не справляются; скоро же соревнования, ребят готовить нужно.

— Не волнуйся, работай спокойно, я хорошо себя чувствую, — заверила мать.

Ольга ушла, но легла опять поздно: готовила матери на завтра ужин. В этот раз она намеренно приготовила больше, чтобы отнести Сергею. Ольгу учили с детства делать добро просто и естественно. И сейчас она не задумывалась, стоит или не стоит это делать? Если Сергей не отказался принять ее заботу и нуждается в ней, значит надо просто продолжать делать то, что начала. Она не понимала жену Сергея, которая была с ним рядом, пока тот был здоров, но бросила мужа в момент, когда он больше всего в ней нуждался. Но и судить девушка тоже не собиралась. Кто знает, что было между ними?

Вернувшись с работы, Ольга не стала менять привычные джинсы, только захватила заранее приготовленные вещи для больницы, разогрела и упаковала ужин и отправилась к матери. Накормив мать, девушка с ее согласия пошла в соседнюю палату. Сегодня войти оказалось проще, лица в палате были уже знакомы.

— О! Добрая фея появилась в нашей палате! — встретил ее Сергей. — Рад, что вы пришли опять!

— Я на минутку, просто чтобы ужин не остыл, — сообщила Ольга, — меня мама ждет.

— А вы фея из сказки или из анекдота? — поинтересовался молодой симпатичный парень со сломанной ногой, перевязанной головой и с огромными синяками под глазами.

— В смысле? — не поняла Ольга.

— Ну, мужик встречает фею и говорит: «Фея, фея, наколдуй мне миллион баксов!» А она отвечает ему: «Я не колдунья, а фея!», а он такой... «Ну, тогда по-своему...»

Ольга заметила, что вчера этот парень к ней внимательно приглядывался, наблюдал. Похоже, сегодня он почему-то решил обратить на себя внимание и пофлиртовать. Ему на вид было около двадцати. Судя по травме, кто-то ударил его по голове. Обычно это означает, что он из тех, кто ищет приключений на свою голову и теперь, по-видимому, нашел, хотя мог быть и после аварии. Ольга решила не реагировать, а присмотреться.

— Это вам решать, откуда я, из сказки или из вашего анекдота, — перебила Ольга.

Парень усмехнулся и замолчал.

— Спасибо огромное даже за минутку, которую вы отдали мне, вместо того чтобы оставить ее себе, — сказал вполголоса Сергей, когда девушка присела у его постели и обаятельно улыбнулся.

«Да... мышцы лица у него работают полноценно, — возникла мысль в голове Ольги, — лучше бы руки и ноги так работали... ловелас! Парализован, а все туда же, флиртовать! Конкуренцию что ли почувствовал, а сдаваться еще не привык; старые привычки сильны?»

Она постаралась поднять больного аккуратно, но поскорее. Накормила его и заторопилась уйти.

— Может, посидите еще? — спросил Сергей.

— Да, посиди с нами, милая — откликнулся парень с перевязанной головой, — а то здесь скукота смертная! Кстати, меня Назаром зовут.

— Извините, меня мама ждет, — Ольга направилась к выходу.